

В ПАКИСТАНЕ ВСЕ ЕЩЕ НАХОДЯТСЯ В ПЛЕНУ ДЕСЯТКИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ. Война, которая не кончается

В связи с освобождением из афганского плена А. Лопуха и В. Прокопчука в "АиФ" приходит много писем с просьбой рассказать правду о проблеме вызволения военнопленных. Читатели спрашивают, почему так медленно идет освобождение, сколько еще осталось в плену, что будет с ними.

Наш корреспондент А. Бинев встретился с журналистом и общественным деятелем И. Андроновым, председателем Всесоюзного объединения семей военнопленных.

- Иона Ионович, наших читателей удивляет, что результатом переговоров с лидерами муджахедов стало освобождение только двух военнопленных... Почему окончательное решение этого вопроса затягивается?

- Потому что наивно, по-моему, уповать сегодня, как вы выразились, на "окончательное решение этого вопроса" без затяжки, коли мы же сами на протяжении восьми лет нашего девятилетнего участия в афганской войне, не заикались публично о попавших в плен соотечественниках. Теперь один из наиболее всесильных предводителей муджахедов - Гульбеддин Хекматиар сказал мне откровенно: "Да они свернут мне шею, если я отпущу на свободу всего лишь из милосердия хоть одного вашего парня". Такова вообще ныне обстановка в Пешаваре - приграничной боевой столице афганской махновщины. Там, на переговорах с нами, лидеры муджахедов в присутствии матерей пропавших без вести советских солдат бросали на стол пачки цветных фотоснимков своих изуродованных сородичей с оторванными конечностями и сожженными лицами.

Ведший со мной переговоры министр пешаварского правительства афганских муджахедов Фарук Азам многократно утверждал, что из 15 млн. афганцев в этой войне погиб один миллион, и в каждой семье поныне оплакивают погибших. Азам потерял 17 родственников, а у его сестры ампутированы руки. Она, по его словам, возмущена переговорами с русскими. Тем не менее и при таком накале страстей с нами все же вели переговоры, ибо большинство среди нас составляли матери пленников. Мы являлись не государственной, а общественной организацией. Наши контакты с афганской оппозицией носят как бы неофициальный характер.

- Когда началось это движение?

- Трагическая участь наших военнопленных в Афганистане тревожила меня с весны 1981 года, так как в ту пору, очутившись на афгано-пакистанской границе, я познакомился с молодым лейтенантом - переводчиком Виктором Лосевым, а спустя несколько дней после нашего знакомства он был захвачен в плен и зверски казнен. Его обезглавленный труп сумели впоследствии опознать только по одежде. Тогда же после других боев зачастую находили истерзанные тела угодивших в плен наших солдат с выколотыми глазами, отрезанными ушами, носами, половыми органами.

С кровавым кошмаром я столкнулся заново в декабре 1981 г. в Исламабаде, по другую сторону границы, где в те дни штаб атамана муджахедов Юниса Халеса располагал магнитофонной записью голоса похищенного ранее в Кабуле советского специалиста и советника по фамилии Охримюк. Он умолял спасти его - обменять на группу арестованных в Афганистане приверженцев атамана Халеса. Из этого ничего не вышло. Советника казнили.

Жестокое обращение с военнопленными со стороны муджахедов вызвало серию самоубийств. При попытке к бегству погибло 34 человека.

Все это мне позволили огласить печатно только в апреле 1988г. К тому времени было объявлено, что 15

февраля 1989г. Афганистан покинет последний советский солдат. Между тем первые шаги нашей народной дипломатии навели на мысль, что при отсутствии какого-либо международного соглашения о возвращении домой советских невольников есть путь к освобождению пленных: убедить общественность выступить в роли посредника между муджахедами и Москвой. И вот в июле 1988 г. мною был создан в Нью-Йорке "Международный комитет за спасение советских пленных в Афганистане".

В комитет вошли люди самых различных взглядов, которых объединяло убеждение, что гибель пленников никому ничего не даст. Кроме меня там были: художник-эмигрант Михаил Шемякин, известный радиокомментатор "ток-шоу" Барри Фарбер, преподаватель Колумбийского университета профессор Джонатан Сандерс, раввин и общественный деятель Бернард Мандельбаум, писатель Роберт Мэсси, знаменитая русская парижанка Марина Влади, греческий искусствовед Георгий Костакис, американский священник- иезуит Майкл Хартер...

- Что предприняла ваша организация?

- Мы сделали первую попытку начать переговоры с муджахедами. Однако все зависело в конечном счете от воли пакистанцев, приютивших в своей стране штабы, лагеря, базы муджахедов и распределявших среди афганцев поставки американского оружия. Правительство Пакистана тогда возглавлял генерал Зия-уль-Хак. Мы запросили у него визы на въезд, но так и не получили ответа.

- В связи с этим вы решили ехать в Москву и устроить вместе с родственниками военнопленных митинг перед пакистанским посольством?

- Первоначально это была идея раввина Мандельбаума. Мы ее приняли, так как у нас не было другого выхода.

- Но в Москве вас ждали неприятности?..

- Пожалуй, это мягко сказано. В июле 1988 г. в Москве при ВЦСПС был создан ради помощи военнопленным "координационный комитет", который осенью одобрил наш приезд, однако накануне митинга - 23 ноября - объявил о невозможности его проведения из-за якобы опасности каких-то провокационных выступлений. Дело в том, что о нашей акции было загодя объявлено в советской прессе. Митинг был назначен на 24 ноября - американский праздник Благодарения... Отмена митинга Московским "координационным комитетом" менее чем за сутки вызвала среди привезенных мною американцев замешательство и недовольство. А собравшиеся в столицу отовсюду родственники военнопленных оказались без всяких предупреждений и разъяснений вовсе брошены на произвол судьбы. Не управляемую никем толпу поджидали у посольства утром 24 ноября спецотряды милиции. Чем это было чревато вполне ясно. А я, подчиняясь решению "координационного комитета", мог бы стать новоявленным попом Гапоном...

- Тогда вы и порвали с Международным комитетом?

- Получилось так, что мои американские друзья сначала никак не могли понять поведения нашего "координатора", потом американцы намеревались немедленно уехать со мной в Нью-Йорк, но для меня здесь, дома, это означало бы лишь одно - позор навсегда.

Об этом миллионы наших телезрителей помнят, быть может, благодаря телерепортажу программы "Взгляд": перед фасадом пакистанского посольства рыдали матери солдат, о чьей горькой участи до сих пор почти ничего не известно. Чиновник посольства пригласил нас встретиться с послан Абдул Саттаром. Впустили трех матерей, "афганца" и меня. Женщины, которые только что кричали на улице, что их и их сыновей все предали и забыли, что не у кого искать поддержки, вдруг в слезах окружили

чужеземного посла, хотели упасть перед ним на колени. И тут произошло удивительное: закаленный кадровый дипломат, увидев, что перед ним не скандалисты, не политики, не демагоги, а просто несчастные матери, смягчился, и с него сошла холодная деловая неприступность. Много, что сделано с той поры, сделано благодаря ему.

- В нашем представлении муджахеды - это бородатые суровые воины с глазами, не выражающими ничего, кроме ненависти и непримиримости. Насколько это соответствует действительности?

- Внешне так оно и есть. Но за этим - действительно крупные человеческие моральные потери. А их лидеры, как правило, имеют хорошее образование: западноевропейское, американское или советское. Некоторые из них с легкостью называют имена наших генералов, у которых они учились в военных учебных заведениях. Переговоры идут на английском языке, но кое-кто не забыл и русский...

- Вы можете назвать действительное число пленных?

- Не могу. И никто не может. Все, что сообщалось в прессе до сих пор, очень приблизительно. Министр обороны СССР Д. Т. Язов дважды принимал нас и сообщил, что по списку его ведомства в числе без вести пропавших значилось 312 солдат и офицеров. Сколько из них живы, где содержатся, мы не знаем.

- Вам удалось выяснить положение наших военнопленных?

Пленные содержатся отдельно друг от друга. Наводить справки о них весьма небезопасно. Дабы избежать казни, они почти все вынуждены принимать мусульманство. В противном случае они будут уничтожены как "неверные". В связи с этим им меняют имена. Например, А. Лопух носил мусульманское имя Диль-Мамат Хан, а В. Прокопчук - Абдурахман.

Но мы убедились в том, что муджахеды не против обмена военнопленными и для этого желательно обоюдное сопоставление списков.

Сразу после возвращения, в июле, мы были приняты М. С. Горбачевым. При всей своей занятости он принял нас через день после обращения к нему. Из Кремля в Кабул была отправлена телеграмма с просьбой оказать нам необходимое содействие. Вскоре пришел положительный ответ.

Наджибулла заявил о готовности афганской стороны сделать все возможное, чтобы помочь нашей миссии, понимая ее общественный характер. Нам был предложен список из сорока человек, предназначенных к обмену. А в порядке акта "доброй воли" - имена еще 25 пакистанцев, задержанных за подрывную деятельность. Кабульский список был отвергнут муджахедами. И нам предложен другой, состоящий из 24 фамилий, из которых первые 12 были арабскими. Нам объявили, что муджахедам известно, кто из перечисленных людей погиб, кто пропал без вести, а кто содержится в Кабуле. В зависимости от того, насколько точно мы отсеем "мертвые души" из списка, будет решен вопрос об обмене на двоих наших солдат.

- Это была проверка ваших полномочий?

- Безусловно. Список оказался "заминированным". Мы сразу отправили телеграмму в Кабул через Москву и принялись ждать. Обстановка вокруг нас была более чем тревожная. К тому же за две недели ожидания у нас кончились "фондовские" деньги, и без помощи Советского фонда мира нам пришлось бы вернуться ни с чем. А ведь мы находились там семь недель...

- Как повлиял на переговоры пакистанский правительственный кризис?

- Самым непосредственным образом. Переговоры с муджахедами были приостановлены 30 октября с извинениями со стороны Пакистана. Встречный список муджахедов с ответом из Кабула был им вручен и произвел положительное впечатление. Он полностью совпал с муджахедскими сведениями... Однако пришлось вернуться в Москву и ждать стабилизации обстановки.

- Почему произошла непродолжительная задержка при передаче Лопуха и Прокопчука?

- В Пешаваре был совершен террористический акт в отношении одного из крупных деятелей "альянса семи", последовали похороны...

- А как же передача кабульских узников?

- Назначена на ближайшее время. Муджахеды выдали военнопленных первыми, демонстрируя свое доверие...

- Имеет ли ваша деятельность перспективу?

- Очень условную. Все будет зависеть от выполнения всех условий первого обмена. Затем мы намерены возобновить переговоры. Далеко не все лидеры "альянса" поддерживают наше соглашение. Мы получили пленных только из группировок Саяфа и Гейлани. Хекматиар вышел из "альянса", а у него в руках наибольшая по численности группа наших пленных. У Ахмат Шах Масуда по прозвищу "Лев Панджшера" - вторая группа из 20 человек. А он вообще игнорирует пешаварский "альянс". Некоторые командиры скрывают у себя пленных. Это их "золотой фонд". Нельзя забывать, что Пешавар - это лагерь отчаянных голов, горячая смесь семи бунтующих группировок. Кое с кем придется вести отдельные переговоры.